

18+

ПЕСТРАЯ КНИГА ЛЕТА

Евгения Михайлова

Пёстрая книга лета

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63076923

ISBN 9785005170262

Аннотация

В книгу вошли стихи и рассказы, написанные разными авторами, но объединённые летней тематикой. Пасмурным осенним днём или морозным зимним вечером приятно будет взять в руки «Пёструю книгу лета» и, листая её страницы, как наяву услышать шум волн на морском побережье, радостное щебетание птиц в садах, грозовые раскаты, ощутить запахи скошенной травы, лесной смолы, свежих ягод... Долгожданный отпуск. Короткий курортный роман. Детские летние забавы. Всё это Вы найдёте на страницах нашего сборника.

Содержание

Ирина Авраменко	6
Лето	9
Зову тебя в безудержное лето...	10
Это лето, господа, это лето...	11
Надежда Акимова	12
Рассветное	13
Бабье лето	14
Летнее	15
Елена Асатурова	16
Черешневое лето	17
Июньской ночью	18
Август	19
Татьяна Баталова	20
Лесной терем	21
Собираю лето	24
«О, Боже мой! Как много мне дано...»	25
Летняя светёлка	26
Мария Буранова	27
Летние месяцы	30
Елена Вишневая	35
Вопреки законам физики	37
За месяц до лета	41
Возвращение к себе	42

Встреча в июле	43
Иосиф Гальперин	44
О том, что растёт, расцветает, несёт семена	45
Александр Гордеев	48
Первый	50
Шалун	51
Утро	52
Светлана Гордеева	53
«Зацветает шиповник в начале июня повсюду...»	56
«Нам до встречи с тобой оставалось совсем ничего, только сон...»	57
«Не ловите бабочек, не ловите...»	58
Сергей Гор	59
Дачные истории	61
Летний этюд	70
Уважаю	71
Солнечная лужайка	72
Сергей Грошев	73
Тополиное	75
Вот такое лето...	76
Это лето...	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Пёстрая книга лета

Евгения Михайлова *Дизайнер обложки*

Ольга Яковлевна Лещенко *Редактор*

© Евгения Михайлова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-7026-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ирина Авраменко
(г. Нетания, Израиль)

Лето

Раскрыло лето жаркие объятия
И кормит нас бессонницей с руки.
Я покупаю тоненькое платье
И тёмные шикарные очки.

Синеет море из аквамарина,
Зовёт его волнующая гладь.
И на небесно-солнечной картине
Так хочется портрет нарисовать.

Ползут лениво будни трудовые,
О смысле жизни ищут все ответ.
И слишком суетливо выходные
Под солнцем тают, оставляя след.

Я покупаю тоненькое платье
И душу открываю небесам.
Не так уж далеко простое счастье —
Жить, радуясь и веря в чудеса...

Зову тебя в безудержное лето...

Зову тебя в безудержное лето,
Где небо обжигает синевой,
Почётным пассажиром без билета
Туда, где солнца шар над головой.

А солнце будет весело смеяться,
Подпиливая лучик-ноготок.
Не надо зноя летнего бояться,
Всегда найдётся в нём воды глоток.

А солнце будет петь шальные песни,
И к прошлому мы потеряем ключ.
Я обещаю – станет интересней,
Когда коснётся поцелуем луч.

А солнце в самый яркий цвет одето
И сочиняет самый жаркий стих.
Зову тебя в безудержное лето,
Где мы разделим солнце на двоих.

Это лето, господа, это лето...

Это лето, господа, это лето,
У него такой восторженный вид.
И мне снова не досталось билета
К островам моей неясной любви.
К морю, к солнцу, к неизведанным далям
Поезда и самолёты помчат.
Всё, о чём вчера вы только мечтали,
Вдруг сегодня стало ближе на час.
Я у лета ничего не просила,
Но его ночами мне не спалось.
Может, меньше, чем хотелось, любила,
Может, меньше, чем мечталось, сбылось...

Надежда Акимова
(г. Дубна, Московская область)

Рассветное

погасли звёзды, лай собачий стих,
а солнца лучик, заглянувший в сенцы,
рисует пылью немудреный стих
картиной волновых интерференций.

Бабье лето

сентябрьский вечер,
в плену химеры
согреет плечи
твой свитер серый,
согреет сердце
остаток веры...
согреть бы тело,
да как-то нечем...

Летнее

промелькнуло сатиновой блузкой,
обдало ароматом волос,
предзакатной полосочкой узкой
закатилось, ушло, пронеслось.

Елена Асатурова (г. Москва)

Черешневое лето

Падают, падают, падают
В руки упругие ягоды —
Брызжет черешневый сок.
Ночи полны звездопадами.
Тянет от моря прохладой.
В пальцах рождается ток.

И прикасаются трепетно
Губ превосходные степени,
Дарят черешневый вкус.
А сумасшествие летнее
Делает нас всё нелепее —
Падая в волны, смеюсь.

Падаю в чьи-то объятия,
Не опасаясь распятия.
Веря в того, кто воскрес.
Тайна извечна зачатия —
Щёлкнула ночь выключателем...
Рубят черешневый лес...

Июньской ночью

Горбушка луны, как из детства, из бабиной печки,
И тянет дымком сладковатым над заводью речки.
А память как ксерокс мгновения прошлого множит.
Лугов заливных разнотравье плетёт покрывало,
И где-то всхрапнул жеребец, чьё копытце овалом
Дурманная дрёма до утренних зорек стреножит...

Парным молоком разливая туман по оврагам,
Крадётся июньская ночь, что подобна варягам,
И лето на долгое царство ведёт за собой...
А мы, загадав на упавшие звёзды над морем,
Тревожным штормам вопреки с ностальгией поспорим,
Как бусы собрав каждый миг, что дарован Судьбой.

Август

Август ещё не глинтвейн, но уже не шабли
С тающей льдышкой в высоком холодном бокале.
В небе плывут на восток облака-корабли,
Чтобы в осеннем порту послезавтра причалить.

Днём море пахнет арбузом и жаром пустынь,
И ветерок развеивает цветастые юбки.
К ночи крадётся сентябрь по пляжам пустым
И у причала качает рыбацкие шлюпки.

Скоро листья разгорится тревожный костёр,
Яблоки сочные с веток прогнувшихся снимут...
Август цежу я по капле как сладкий ликёр,
Чтоб сохранить послевкусье и выдержать зиму.

Татяна Баталова
(г. Москва)

Лесной терем

Как быстротечно лето. Так ждёшь тёплого солнца и живительных запахов леса. И вот уже первые нотки осени слышны в набегающем мягком воздухе августа.

Дорога к лесному озеру. Заявляет о себе чуть горчащий аромат цветов и трав, нагретых солнцем. В траве – стрекотание цикад.

Я не пропускаю глазами сполохи жёлтых цветов по обочинам дороги, запылённые кусты малины, веточки шиповника, бабочек-капустниц.

Ускользящий летний день и очарование от природы. Никогда не перестану любить этот лесной воздух, эту медовую травку.

А вот широкая просека в сухом еловом лесу. Под ногами игольчатый ковёр хвои со смоляным запахом рыжих иголок. В лицо пахнуло тёплым ветром, смешанным с этим крепким духом и едва уловимой нотой осени. Время неумолимо. Оно течёт стремительно к невидимому рубежу. Солнце подходит к поворотной точке. Последнее летнее тепло. Насытиться бы всеми ароматами леса, духом раздумья и лёгкой грусти.

Листья берёз трепещут и шумят. А вот ветла – склонилась к самой земле, и её большие глянцевые листья горят на солнце. Крупные свежие побеги тянутся прямо в небо.

В болотном ручье зацвела ряска. Золотистые жёлтые цвет-

ки на стебельках выглядывают из топи через слой зелёной ряски. Это пузырчатка. Прогрелась заболоченная протока и рассыпались по ручью крупички солнца – цветы пузырчатки.

В природе есть своя внутренняя душевная сила, поэзия. Кажется, нет корней у пузырчатки, только длинные нити с частыми серыми листочками, а ведь цветёт, и как!

Всё живое тянется к солнцу. И лес движется, движется по земле опушками, кронами деревьев стремится к свету. Прошлое горячее душное лето сожгло много деревьев: полно сухих, поваленных.

Дикий стал лес, брошенный. Жалко его больно. Глубокое сострадание вызывает такая заброшенность, одиночество. Выгнула дугой своё тонкое тело берёза, а распрямиться не может. Это зимнее ненастье, ледяная корка на деревьях пригнула её к земле. Вот и стоят березки, согнувшись, а всё живут, дышат, зеленеют.

Но вот, и нынешнее лето подходит к концу. Вода в лесном озере чистая. Только кое-где к берегу прибилась тина. Мелкие рыбёшки юлят в воде. Прибрежные кусты уже наполовину в жёлтых листьях.

Усыпительно стрекотание цикад. Стрекоза села на край моей книги. Разглядываю её вблизи. Их здесь много, красивых хищников с голубыми крыльями.

Не хочется прощаться с летом. А ночи стали холоднее. Скоро сентябрь. Живая тишина леса, пахучая и благодатная

раскрылась и позвала, поманила в сердцевину своей бархатной природы, чтобы я могла слиться с ней своим сердцем, слушать с особенным вниманием голос истинного друга.

И слушая лес, я вспоминаю прошедшее, и делаюсь сама совершенно такой же, какой была в молодости. Отступают и боль, и обида. Так животворен воздух лесного терема. Как хочется сохранить его стебель и цвет, не бояться навести на него луч настоящего, чтобы он мог раскрыть людям свой первозданный цветок тишины...

Собираю лето

Собираю лето по душистым крошкам,
Бусиной янтарной сказку соберу,
Как грибами пахло из того лукошка,
Как цветы шептались в сказочном бору.

Приходи ко мне ты, сказочное лето,
С кузовком, ромашкой, с летнею грозой,
Чтоб смогла я вдосталь насладиться светом,
Запахом медовым, травкой луговой.

Ты в своих протоках, в голубых прожилках
Прячешь ароматы царственных даров,
Крылышки стрекозок в золотых опилках
Стряхивают небо на ковёр лугов.

Собираю лето на лугу по крохам,
Чтоб душа не стыла на шальном ветру.
Ведь согреться легче на цветах гороха
Пчёлкою мохнатой с лапкою в меду.

«О, Боже мой! Как много мне дано...»

О, Боже мой! Как много мне дано,
Когда есть сад и жаркий цвет сирени,
Цветов сорочка, света полотно,
И радуги дождей, и светотени!

Гори, фонарь весёлых перемен!
Сплетай цветы и запахи, и слухи.
Мне разбивать тугую кладку стен.
Я светлячок в руках у повитухи.

Сто первый раз сиреневую вязь
Переплывают ветра поцелуи.
Цветущий сад бормочет, подбочась,
И моет в небе розовые струи.

А в старом цветнике без перемен:
Идут дожди, и лето на подходе
Зовёт меня в душистый утра плен,
Где свет блажен и солнышко восходит.

О, Боже мой! Как много мне дано:
Моих надежд исхлётанные тени,
Шеренги строчек, свитых в полотно,
И ветка сада дивного цветенья.

Летняя светёлка

Здесь эльфы паутинки ткут.
Здесь земляничная поляна.
Давай ковёр расстелем тут,
Нарвём душистого тимьяна.

Прильнём к пахучей тишине,
К дурману запаха густого.
В лесной глуши, как в сладком сне,
Напьемся воздуха лесного.

Нам синь измажет рукава,
Мы руки в стороны раскинем.
Светёлка наша – кружева,
Кладовка – пряности лесные.

Нам крышей будет небосвод,
Окно, распахнутое настезь.
Здесь лето будет круглый год,
Ведь летний дождик – тоже счастье!

Мария Буранова
(г. Изобильный,
Ставропольский край)

Летние месяцы

«Это лето было особенным...»

Июнь

Июль

Август

Послесловие

Небо сегодня в палитре индиго,
Тучи всё ниже, смотрю в небеса,
Страшно становится как-то и дико,
Ветер утих и всё ближе гроза.

Облако серое – пыльная вата,
На горизонте солнца закат.
Всё в ожидании грома раската,
Ласточки-птахи низко кружат.

Молния в небе кардиограммой,
Рядышком гром, что стёкла звенят,
Если всё смоет, окончится драмой.
Капли дождя на землю летят.

Дождь барабанит по окнам и крыше,
Вымокла кошка, осталась гулять.
Что тебе вздумалось, Мурочке рыжей,

Или по нраву мокрой стоять?

Птицы замолкли, попрятались в гнёздах,
Каждая жаждет остаться сухой.
Вечер. Темно. Я мечтаю о звёздах.
Заволокло их дымкой густой.

Дождь отшумел и чуть капает с крыши.
Ветер качает старый фонарь.
Кошка сидит с пойманной мышью.
Утро. Трезвонит на службу звонарь.

Всё ожило и проснулось с рассветом,
Свежестью дышит округа моя.
В лужах купаются птахи при этом,
Громко щебечут, как будто зовя.

Солнце лучами сверкает сквозь капли
Россыпью всех драгоценных камней.
Пташки, что ночью прошлой озябли,
Греют своё оперенье скорей.

Гомон стоит, галдят, не умолкнут,
Солнечный диск блестит как латунь,
Веет теплом, им теперь не намокнуть.
Лето. Шагает по лужам июнь.

Настал июль. Июль – макушка лета,

Жара и зной, и дышится так томно.
Земля до глубины теплом согрета,
Цветут цветы и пчёл летают сонмы.

Душистым ароматом разнотравье,
Поспела и склонилась золотая рожь.
Девушка на Купалу с замираньем
На жениха гадает, пробирает дрожь.

А женихи-то в полночь в лесной чаще
Цветущий папоротник ищут сгоряча,
А сердце девушки всё бьётся чаще,
Через костёр-то разбежалась, хохоча.

И по реке веночек свой пускает
В надежде, чтоб судьбу скорей сыскать.
О счастье своём девичьем мечтает
И думает, как ей не прогадать.

А следом день святых Петра, Февронии,
День верности, любви у православных,
В молитвах жёны, чтоб в семье гармония,
Здоровья чтоб и деток долгожданных.

Конец поста, настал Петра и Павла.
Всё реже переливы пеня птиц,
Плодами ягод нас природа даровала,
Июль – хозяин, словно щедрый принц.

Мёд липовый струится с улья в бочку,
И на лугах в разгаре сенокос,
Лишь издали чуть слышно квочку,
И шелест листьев милых мне берёз.

А паучок плетёт узор искусно,
И кружевная паутина – нежный тюль.
Идёт поэт, ему совсем не грустно,
Ведь лето жаркое и на дворе июль.

Август настал, вот кончается лето,
Ночь холодней и сильнее роса,
Манит закат и пленяют рассветы,
Бледною синью висят небеса.

Серпень и Жатник тебя называют,
В поле уборка, богат урожай!
Как императора, тебя уважают,
Золотом хлебным одарен наш край!

Август хорош корзинами сливы,
Приторной грушей, яблоком спелым,
Ёж снова в гости, какой же он милый,
Пьёт молоко и кажется смелым.

Птицы всё тише, близится осень,
Ветер утих, стоит полный штиль.
Лето постой! Прошу тебя очень!

Теплится малой надежды фитиль.

Лето прошло, его помнить буду,
Время как быстро по жизни летит.
Помню перчатки, маски, простуду,
Грипп, изоляцию, и страшный Covid...

Елена Вишневая
(г. Москва)

Вопреки законам физики

День середины июня выдался погожим и наконец, после недельной изнурительной жары, свежим и ветреным. Чтобы немного отвлечься от вялотекущей работы и духоты, скопившейся в комнатах, выходим на прогулку. Неспешно идем по парку, наслаждаясь скромными красотами московского лета. Вволю набродившись по центральным аллеям и малолюдным тропам и обсудив все текущие новости, спускаемся по большим камням в овраг, к источнику. На небе тем временем собираются тучи. Раздается глухой раскат грома, кажущийся очень далеким. В воздухе пахнет грозой. «Кажется, скоро дождь?.. – не то утверждаю, не то спрашиваю я. – Может, выйдем в город, сделаем обратный путь на метро? Гроза в лесу – дело опасное!..». «Нет нужды! – беспечно отвечаешь ты. – Обрати внимание, в какую сторону дует ветер! Дождь пройдет мимо нас. Он прольется, но не здесь, а восточнее... Таковы законы физики!» – ты задорно и уверенно мне улыбаешься, вооруженный прочными знаниями об окружающем нас мире. Я с некоторым сомнением смотрю на грустнеющее небо, которое только недавно было ясным и безоблачным, но спорить не решаюсь. Не только по росту, но и по познаниям в науках ты на две головы выше меня. Немного передохнув и выпив ледяной родниковой воды, отправляемся обратно. Около сорока минут пути отделяют нас

от дома... Не пройдя из них и десяти, мы попадаем под такой ливень, какие случаются только летом, и то – редко, после особо долгих, изнурительных периодов жаркой погоды.

Сначала капли с неба падают частые, но сравнительно небольшие. Через пару минут они увеличиваются вдвое, потом – втрое, начиная ощутимо ударять по коже. «Бэм-бэм» – одна за другой падают на нас упругие градинки... «Бэм-бм-бм-бэм» – они становятся такими частыми, что сталкиваются, сливаются одна с другой, и разнообразные, музыкальные поначалу звуки дождя превращаются в монотонный, однообразный шум. Торопливо достаю из сумки зонт, один на двоих, но он почти не помогает бороться с потоками воды, буквально обрушивающимися на нас, а потом его и вовсе складывает пополам под порывами ветра. «Эй, как там насчет законов физики?..» – возмущенно интересуюсь я, перекрикая грозу. «Из всех законов есть исключения. „For every rule there is an exception“, как говорят англичане» – пожимаешь плечами ты, весь умытый дождем и заметно посвежевший.

Мы идем по направлению к дому, потом бежим по направлению к дому, но, быстро осознав, что бороться со стихией – занятие бесполезное, почти одновременно останавливаемся и, как по команде, прижимаемся друг к другу, прячась от внешнего мира в созерцании внутреннего. Мы стоим так близко друг от друга, что слышно биение сердец и урчание животов. «Ты урчишь как кошка!» – смеюсь я. «Угу...

Вот бы чайку сейчас!»». Где-то близко, благополучно нас миновав, пробегают короткие молнии. «Люблю тебя» – производим одновременно, не сговариваясь. Улыбаемся тут же, одними глазами, созвучию мыслей.

Почти полчаса мы стоим вот так, будто став единым целым, под сплошной дождевой завесой. Наконец, гроза стихает, шум падающей воды замирает... Расплетаем руки. Осматриваемся. Дорога превратилась в настоящий озерный край. Листья деревьев при каждом дуновении ветерка стряхивают с себя лишнюю влагу. Наша одежда промокла насквозь! После дождя воздух еще сильнее остудился – заметно похолодало.

Из парка мы выходим куда раньше, чем нужно, не дойдя до дома больше половины пути. Прячемся в подъезде ближайшей многоэтажки и прямо на лестнице, между этажами, отжимаем тряпье. Смеемся: вот зайдет сейчас в дом какой-нибудь его обитатель, спустится к мусоропроводу благообразная старушка или мужчина преклонных лет, то-то удивится от двух наших мокрых и абсолютно голых тел, а, может, и полицию вызовет – мол, неприличие какое, и это в такой интеллигентной среде!..

В подъезде немного теплее, чем на улице, и нет ветра, но влажная одежда холодит, так что скоро мы начинаем ощущать замерзание. Денег ни на такси, ни на согревающе-горячительные напитки нет, так что решаем позвонить другу, живущему в двух шагах от парка. «Сережа, дорогой, ты до-

ма? Как насчет принять гостей? Когда? Да вот прямо сейчас, с минуты на минуту!..». «Приходите! – удивленно, но при этом вполне жизнерадостно откликается Сергей, недаром прозванный самым заботливым на факультете. – Я, правда, на чемоданах: последний день в Москве! Завтра уезжаю. Буду теперь работать в Финляндии». Так мы попутно и почти случайно узнаем о том, что один из наших близких студенческих друзей надолго, может быть, навсегда от нас уезжает... Ничего себе!.. И ведь не предупредил, не обмолвился ни словом! Если бы не этот внезапный ливень, мы бы и не узнали о том, что он уже одной ногой в Европе.

Вечером того дня мы сушились в приятно душном студенческом общежитии, пили чай с лимоном из плохо вымытых кружек, грелись в общественном душе и до ночи болтали обо всем на свете. И, конечно, торжественно обещали друг друга не забывать и почаще выходить на связь, которая, впрочем, наладилась лишь спустя три года после Сережиного отъезда из Москвы.

С тех самых пор летняя гроза ассоциируется у меня с той давней «романтической» прогулкой, студенческой дружбой, законами физики, которые иногда нарушаются, и со странами северной Европы.

За месяц до лета

Четыре часа до полночи. И месяц один – до лета.
Страницы и мысли скомканы. Ни отклика, ни ответа.
Как паузы – многоточия: сомнения в каждой строчке...
Словами по одиночеству бьют меткие одиночки.

И дразнит, как обещание, хмельное начало мая,
Чернила сгущают сумерки, всю улицу обнимая.
И шторы с узором шелковым, как веки, неплотно
сомкнуты,
И в полуразбитом зеркале видна половина комнаты.

Душа, будто дом без жителя, до времени заколочена.
Так сложно открыться новому, когда все давно
упрочено!..
Сквозь насыпи слова ложного слышать слова
Всевышнего,
И ветром пройти по комнате. И вымести горы лишнего.

Возвращение к себе

Велегож на Оке – возвращение в детство,
Запах скошенных трав на полях и дорогах.
С живописным «Поленово» в тесном соседстве,
С поэтичной Тарусой в лесных диалогах.

Здесь звучит тишина каждый час по-иному,
Даже сердце стучит чуть спокойней, ровнее.
Заживляются солнцем души переломы,
И в тумане речном все невзгоды бледнеют.

Всякий раз, приезжая сюда между делом,
Выбираясь из города – тесной берлоги,
Убеждаюсь, что нет у свободы предела,
Уходя вечерами на берег пологий...

Как наркотик, заманит ритм жизни активный,
Мне Москва с каждым годом родней и дороже.
Но, вернувшись к ее суете бесперывной,
Часть себя я оставлю опять в Велегоже...

Встреча в июле

В.А.М. и Анечке Гавриловой

Нам память подскажет забытые лица —
Мы сделаем вид, что совсем не скучаем.
И вечер, напившись вина из корицы,
Укроется облаком терпкого чая...

Завьются в июле мелодии речи,
Заворят дождям, участвовавшим к ночи.
А в сердце – как в храме – поставлены свечи —
За тех, кто нас любит, и тех, кто не очень.

И плоть обретёт полустёршийся образ
Надежд, ожиданий, исканий, иллюзий,
Что хаосом будней до ключев разодран,
И кровью исходит, как соком в арбузе.

Мы все – чьи-то тени и чьи-то предтечи,
Мы в поисках смысла – от строчек до точек,
А жизнь, может быть, – только повод для встречи
Таких же, пленённых мечтой, одиночек.

Иосиф Гальперин
(г. Сандански, Болгария)

О том, что растёт, расцветает, несёт семена

* * *

Где камень скомканной газетой
лежит в подножии травы,
там ночь разута и раздета
идёт на вы.

Шаги бесчувственно-смертельны,
не намекая, не грозя,
отдельно или же артельно
ведёт стезя.

Здесь мимо кладбища на небо
тропой знакомых мужиков
при свете дня иду нелепо,
на всё готов.

Бликует камень, не газета,
чья ложь раскрыта белым днём,
впечатаны кусочки света
сухим огнём.

* * *

Рой синих и коричнево-зелёных
вокруг моих колен, не видя их, —
ликует брачный танец насекомых
вне времени, но вот уже затих,
почуя ветерок из-за пригорка.

Они не видят неба, как колен,
тяжёлой тучи мокрая уборка
эфемеридный не пугает тлен,
волокна воздуха, его колечки
укажут безопасные кусты...

Вниз по горе, и зря дрожит сердечко —
дойдётся и ты.

* * *

Опираясь рукою на тень на незримой стене,
еле видимым ступеням свою доверяя нагрузку,
подымаюсь к себе, оставляю внизу костенеть
хрящ бесцельных минут,
пустоту-трясогузку.

Напишу на прозрачной стене свой невидимый след,
эхо лёгких касаний – рецепты продления жизни.
Письмена помогают и темноте просветлеть,
но помогут ли мне
тени словесной отчизны?

По неверным ступеням иду к тебе, письменный стол,
утешая себя, предавая старенью минуты.

Дом столетний

 клавиатуру обрёл,
из-под клавиш ступеней получая мелодию утра.
Обретенье теней. Безбоязненно, как объектив,
огляди своё тело беспощадным рентгеновским взглядом,
огляди своё время

 и пиши, удила закусив,
не о теле и времени, о невидимых гранях распада,
а о том, что растёт, расцветает, несёт семена,
проникает корнями, бетонные треплет заборы,
выпрямляет сердца

 и дыхание женского сна.

Пустоту трясогузок наполняю внутренним взором.

Александр Гордеев
(г. Мценск, Орловская область)

Первый

Остаток ночи лёг в овраг густым туманом.
С востока начал свой поход прозрачный день.
В реке пытались облака отмыть румяна,
но тихо на воду упала утра тень.

В кустах заплаканных солист прочистил горло
и начал с гимна свету, солнцу и любви.
Минутой позже эту песню пели хором
все, кто мог петь, не только соло соловьи.

Над синим лесом улыбнулось солнце ярко,
смахнуло тень с лица реки под старый мост.
Туману, спящему в овраге, стало жарко,
он по траве разлился морем ясных слёз.

И вот шестой шагает смело, длинноногого
дорогой светлую, не узенькой тропой,
а это значит, лета будет очень много,
он первый летний – из двенадцати шестой.

Шалун

В лукоморье сломалась погода —
ветер северный щёки надул.
Разогнал облаков хороводы
и пустился в бездумный разгул.

Растрепал тополя и каштаны,
воробьёв ограничил полёт,
раздробив в брызги струи фонтанов,
он кропил щедро праздный народ.

Смял спокойствие синего моря,
как салфетку бумажную смял,
забурунил, наморщил волною,
морем скомканным бросил в меня.

Но один молчаливый свидетель,
что взирал за буяном весь день,
на закате взяв за руку ветер,
с ним в ночную отправился тень.

Утро

Солнца огненное око
осветило новый день,
разогнав тумана тень
до прозрачного намёка.

Шепотком прогноз погоды
ветер с утром обсудил, —
решено – не тратить сил
на погодные невзгоды.

И трава, всплакнув росой,
закивала утру в такт,
а прозрачный березняк
хвастал стройной белизною.

Над рекой трещат стрекозы,
а кувшиночьи цветки,
как яичные желтки
на зеркальности подноса.

Прихватив с собою утро,
испарились облака.
Забурлила дня река
до закатного салюта.

Светлана Гордеева
(г. Чебоксары, Чувашия)

«Зацветает шиповник в начале июня повсюду...»

Зацветает шиповник в начале июня повсюду,
И цветы белоснежные – в хрупких ладонях рябин,
Вспоминать я о ласковых волнах морей все же буду,
Но свои коррективы внес в наши мечты карантин.

Лето где-то на пляжах далеких резвится и пляшет,
Я в саду загораю, здесь тоже растет виноград.
Мы устроим и здесь что-то вроде песчаного пляжа,
А из шланга польется почти ледяной водопад.

Море, ты не скучай: мы приедем когда только сможем,
А пока огородные грядки пора поливать.
По инжирам и пальмам скучаем, конечно, мы тоже.
Неприменно вернёмся, приедем, обнимем опять.

«Нам до встречи с тобой оставалось совсем ничего, только сон...»

Нам до встречи с тобой оставалось совсем ничего,
только сон,
до разлуки с тобой оставалось немного побольше,
но нарушил тот сон вдруг какой-то нечаянный звон,
и глаза голубее твои, да и пальцы потоньше.

Ты не ты, я не я, там мы встретились без позволения
небес,
нам с тобой разрешили узнать только горечь разлуки,
у седого ручья я живу с этим жалобным «без»,
вспоминаю твои не обнявшие теплые руки.

В этой жизни друг друга узнать не придется уже,
только жить в ожидании снов и в надежде на скорое
завтра,
я увижу тебя в отражении луны, может быть,
в стеклах летних веранд, в чашке чая с дождями
на завтрак.

«Не ловите бабочек, не ловите...»

Не ловите бабочек, не ловите,
Ведь они как цветы в полете.
Их красу как мгновенье цените,
То, которое не вернете.
Не любите тех, не любите,
Кто не ценит полет и мгновенье.
Крылышкует опять, глядите,
В небе белом для нас вдохновенье...

Сергей Гор
(г. Дубна, Московская область)

Дачные истории

Хотите верьте, хотите нет, но скука является причиной многих неприглядных проступков, а то ещё и чего похуже. Эту истину я уяснил для себя еще в далекий дачный период своего детства. Бездеятельность противостоит естественной человеческой натуре, а тем более детской.

В один из летних дней зарядил дождь. Я перебрал все игры, книжки, но остановиться на чем-то определенном никак не мог. До тех пор не мог, пока на глаза мне не попался тюль на окне гостиной. Мне показалось, что по нижней своей кромке он весь кривой какой-то. Улучив момент, когда нянька отвлеклась по делам кулинарным, я стащил её большие портновские ножницы и принялся равнять тюлевую занавеску. Старательно простриг острыми ножницами от края до края и отошел от окна, чтобы полюбоваться на результаты своей работы. К моему удивлению занавеска стала ещё кривее, чем была. Я опять начал стричь тюль, стараясь не вылезать за клеточки и опять тот же результат. Нянька вовремя спохватилась ножниц, иначе от длинной занавеси осталась бы маленькие шторы.

За эту свою дизайнерскую инициативу на весь следующий день я был отлучен от выхода на улицу. Как неприкаянный, слонялся по дачному участку. Заглянул в сарай, где все было давным-давно знакомо, спустился в холодное каменное нут-

ро погребца, повисел на турнике, в кавалерийской атаке ворвался в заросли крапивы, порубил её, пока не ожегся, и присел в тенок под яблоню.

Приехала почтальонша Галя и зашла к нашей няньке Даше выпить чайку. Дамский велосипед Гали был красивый, блестящий, с сеточкой на заднем колесе. И сама Галя была красивой, румяной, полной и, как все говорили, «на выданье». Что вдруг мне пришло в голову – не знаю, но под сиденье Галиного красавца-велосипеда я пристроил пищалку от детской игрушки.

Галя напилась чаю с нянькиными пирожками, вышла за калитку, разогнала свой велосипед и прыгнула в седло. Прохожие и сама Галя очень удивились истошному писку странного происхождения. Прыгнет колесо на булыжнике и из-под Гали тут же попискивает жалобно что-то. Звук этот сопровождал ничего не понимающую почтальоншу на протяжении всего пути от нашей дачи до почты.

Любое преступление, любой проступок рано или поздно оборачиваются наказанием. Для нас с сестрой самым большим наказанием на даче был запрет нос показывать за ворота дачи. С тех самых детских пор я наш дачный участок знаю намного лучше моей сестры, хотя и за его границами происходило много всего интересного.

Полдень. Знойно и тихо. В тени забора на небольших узелочках сидим мы с сестрой, прислушиваясь к шуму на дороге. Мимо снуют большие черные мухи. Где-то за поворотом

загрели колеса телеги, и мы вытягиваем шеи в ту сторону. Но это не старьевщик. Это золотарь со своей бочкой, с громадным ковшом и в неизменном брезентовом плаще. Поскрипывая упряжью и гроыхая по булыжной дороге колесами, бочка сворачивает на соседнюю улицу, за ней устремляется рой надоедливых мух.

А вот и старьевщик. Каждую неделю по пятницам он приезжает в наш дачный поселок. Сегодня наша нянька Даша собрала каждому из нас для обмена свою порцию вторсырья. В прошлый раз мы принесли одну кипу старых газет и получили за них леденец и воздушный шарик. Леденцового петушка мы еще как-то умудрились разделить, облизав поочередно его до самой палочки, а вот с шариком вышел конфуз. Каждому хотелось непременно самому надуть и завязать шарик ниточкой. Будь шарик чуть покрепче, скандал мог бы перерасти в ссору, но он, к счастью, вовремя лопнул.

Итак, у меня связка с какими-то потрепанными книгами, у сестры узелочек с тряпьем. Я за свое богатство получаю коробку пластилина. Свой узелок сестра с явным удовольствием отдает за куклу-голышку. Мама говорит, что сестра усидчивая девочка и мне надо бы брать с неё пример.

На прохладной террасе мы усаживаемся за большой стол, раскладываем свои богатства и принимаемся за работу. Сестра, высунув кончик языка, старательно кроит и шьет для своей голышки кофту и юбочку, а я пытаюсь вылепить из податливого материала человечков.

Фигурки выходят уродливыми и смешными. Я сминаю их в комок и начинаю все сначала. И опять получается полное безобразие. Тщетность усилий заставляет меня найти другой вариант. И вот у меня получается вполне сносная, со стволом и ядрами пушка на колесиках. Жаль, что она не стреляет, но ведь это дело поправимое. Из бумажного листа я скатываю трубочку, вставляю в неё пластилиновое ядро и прицеливаюсь в голого пупса. Плевков – и мягкий шарик, перелетев через стол, застревает в светлых кудряшках сестры. Она даже не чувствует, а я, раздосадованный промахом, начинаю массивированный обстрел цели. Да, пластилин в волосах – это что-то!

Когда сестра спохватилась, было уже поздно. Мы попытались вычесать липкую гадость, но это только усугубило ситуацию. Пластилин размазывался, волосы местами торчали рожками, принимали причудливые формы, и все это довело сестру до слез, а меня до дурацкого смеха. На шум явилась Даша, отвесила мне легкий подзатыльник и устроила сестре головомойку.

Пластилин просуществовал у меня недолго. Однажды забрался я зачем-то на крышу беседки, попытался слезть обратно, но спихнул ногой лесенку и повис, уцепившись за конек. Нянька, конечно, сняла меня с крутой крыши, но тут же пристроила в угол возле печки, чтобы оставался на виду, пока она печет свои знаменитые пирожки. Стоять летом у теплой печи было жарко и грустно. От нечего делать я пошарил

в кармашках брюк и нащупал комочек пластилина. На белой облицовке печи пластилин хорошо плавился и запах от него шел как из-под капота папиного «Москвича». После этого моего эксперимента коробка с пластилином бесследно исчезла.

Со временем об акции обмена ненужного барахла на нечто дельное и полезное напоминал только одетый с иголочки сестрёнкин пупс. А наши родители, в угоду моде или из желания занять полезным делом празднующихся нас с сестрой, уговорили учительницу музыки приобщить и нас к высокому искусству.

Меня всегда удивляло, как конференсье может так четко по памяти объявлять сложные названия произведений, имена их авторов и исполнителей. На сцене летней ракушки-эстрады он, например, говорил: «Пьеса „Утренние размышления“ из „Детского альбома“ Петра Ильича Чайковского. У рояля концертмейстер Ликадия Вишневецкая». Ничуть не сомневаюсь, что и отчество нашей соседки Ликадии Вишневецкой – Константиновна – ведущий концерта произнес бы без запинки.

После этих слов на сцену выходила Ликадия Константиновна. Своей фигурой она напоминала грушу. Сложенные пучком на голове волосы, шея как-то незаметно переходила в узкие плечи. Потом Ликадия Константиновна резко утолщалась в бедрах, а передвигалось все это на коротких и толстых ножках.

Концерты случались не каждый день, и пианистка с удовольствием давала уроки музыки дачной детворе. Помнится, я с удовольствием покрутился на винтовой табуреточке возле рояля, а когда дело дошло до нот и гамм, принялся выдумывать всякие поводы и причины лишь бы отлынить от занятий.

У сестры дело пошло гораздо лучше. Пока она терзала старенький инструмент и наш слух гаммами, мы с учительницей музыки пили чай и беседовали. Вернее, она говорила, а я слушал. Заметив однажды, с каким интересом я рассматриваю фотографии на стене, Ликадия Константиновна поняла, что нашла для себя благодарного слушателя.

Это были фотографии видов довоенного Ленинграда, молоденькой девушки ничуть не похожей на Ликадию Константиновну, но именно ею и оказавшейся, и ещё фото двух моряков. На одном снимке был запечатлен кавторанг в полной парадной форме, с крабами и кортиком. Под снимком мелким каллиграфическим почерком было написано: А. Н. Вишневецкий. Ленинград. 1940г. Со второй фотографии смотрел молодой матросик в тельняшке, бушлате и бескозырке, на которой можно было увидеть: Балтийский флот. В углу снимка печатными буквами было написано: Юрочка, 1941 г.

Стоящий на якорях Балтийский флот во время войны яростно отбивался от фашистов с палуб кораблей. Участвовали моряки и в сухопутных боях. Во время одного из боев

погиб капитан второго ранга А. Н. Вишневецкий. Через два месяца пропал без вести матрос Ю. А. Вишневецкий.

Ликадия Константиновна осталась одна в блокадном городе, не переставая надеяться на чудо. Но чудеса случаются редко.

О войне и днях блокады пианистка рассказывала мало, чаще о мирном времени. Только однажды проскользнуло в её словах ощущение страха. Она призналась, что иногда во сне вдруг начинает ощущать мучительный голод. Странное ощущение смерти от неминуемого голода в мирное время развило в нашей учительнице музыки желание постоянно чем-нибудь перекусывать. Была у неё такая слабость, она её не скрывала, да и скрыть всё то, о чем красноречиво свидетельствовала фигура Ликадии Константиновны, было невозможно.

Со временем поняв, что пределом моих способностей остались «Чижик-пыжик» и «Собачий вальс», учительница прямо заявила об этом моим родителям. Хоть и небольшие деньги, за просто так она брать отказалась, назвав меня «всегда приятным гостем в её скромной обители».

И невдомек было старой учительнице, что давно болен я совсем другим музыкальным инструментом. Меня завораживали звуки кларнета и саксофона. А детский кларнетик в магазине «Культтовары» стал пределом моих мечтаний.

Кларнет этот был с белым раструбом и таким же белым мундштуком, а на черном его корпусе блестели серебряные клапаночки. Впервые он попался мне на глаза во время по-

хода за керосином.

Когда у няньки в примусе керосин подходил к концу, она вручала мне мелочь и отправляла в керосиновую лавку. А напротив этой лавки стоял магазин «Культтовары».

Я всегда по пути забегал в него, чтобы полюбоваться на большой глобус, портфели, тетради, ручки, цветные карандаши и многое другое, что мне непременно должны были купить к началу моей школьной жизни. В одно из таких посещений под стеклом прилавка я увидел эту замечательную дудочку, тут же обзавелся идеей фикс купить её на скопленные мной деньги и тут же понял, что копить мне придется довольно долго. Денег нам с сестрой почти не давали. Просто потому, что пойти с ними было некуда.

Оставался вариант лишения самого себя привычных удовольствий. Сэкономить деньги я мог, только отказавшись от порции мороженого или похода в кино. Но жажда обладания этим красивым инструментом и вера в то, что смогу сыграть на нем красивейшую из всех мелодий победили, и я принялся копить деньги.

Деньги копились очень медленно. Я часто забегал в «Культтовары» и с тревогой поглядывал на прилавок, не продана ли кому-нибудь моя заветная мечта. В одно из таких посещений дудочки за стеклом прилавка не оказалось. Я посмотрел на улыбающуюся продавщицу и поплелся домой.

В детской, закутавшись с головой в одеяло, я страдал. Было от чего. Вдребезги разбилась моя первая настоящая меч-

та. Страдания мои были искренни, глубоки, но, к счастью, не долги. В комнату явилась нянька и протянула мне черный футляр. А в футляре лежала моя дудочка!

Продавщицы рассказали о моей тайной страсти почта-льонше Гале, та в свою очередь поделилась новостью с нянькой, и добрейшей души человек Даша на свои скудные средства сократила мой долгий и полный лишений путь к заветной цели.

Жизнь давала уроки. Во-первых, я понял, что деньги тратятся быстрее, чем копятяся. И еще уразумел, что окружающие не всегда так безразличны к нам, как это порой кажется. А главное, я понял, что значит сила воли, когда идешь к своей цели.

Ничего путного на этой дудочке я так и не сыграл. Что-то похожее на нечто знакомое извлекалось иногда, но не более того. А звуки саксофона меня до сих пор завораживают. И манят куда-то...

Летний этюд

Начну я рисунок с клена.
Клен палисадника выше
И выше уютного дома
Под черепичною крышей.

Собака лежит у крылечка,
На редких прохожих лая.
Сотру ей цепи колечки,
Пусть будет она не злая.

Построю радуги мостик
Над васильковым лугом,
И буду ходить к тебе в гости,
Чтоб видеться чаще друг с другом.

Уважаю

Облаков очарованный
Плавным движеньем,
С высочайшим я к ним
Отношусь уваженьем.

Кругозор свой порой
До травинки сужаю,
И росинки на ней
Я до слез уважаю.

Наблюдая за вечным
Потока движеньем,
Проникаюсь глубоким
К реке уваженьем.

Говоря о любви
Голос свой понижаю
Я тебя уважа...
Нет не то. Обожаю!

Солнечная лужайка

Когда от прошлого щемящая тоска,
А в будущем вообще ни зги не вижу,
Я пистолет не грею у виска,
Не пью вина и не читаю книжек.

Тогда я рифм красивых не пишу
И прозой сути жизнь не отражаю.
Я смысл существования ищу
В объятьях тёплых, солнечных лужаек.

Среди стрекоз, ромашек и цикад,
Своим порокам и страстям в угоду,
Я нежно пью малиновый закат,
Целую жадно ключевую воду.

Сергей Грошев
(г. Новодвинск,
Архангельская область)

Тополиное

Северный ветер, так часто бывает,
Тополю ветки ломает, роняет...
Что ж ты ветвями-то, милый мой, оземь,
Лето в разгаре, ещё ведь не осень?
– Коротко лето, и ветры сильны
С Белого моря, с речки Двины!
– Да не боялся б ты ветра-то очень,
Ведь над тобой пока белые ночи,
Солнце с небес не уходит почти,
– Ты эти сказки внучатам прочти,
Да и какое оно – наше лето,
Вот оно есть – и уже его нету!
Скоро, ох скоро, под первый мороз
Лист полетит с тополей и берёз...

Вот такое лето...

Ну вот, мы ждали его, ждали,
А оно
Сырыми, мокрыми дождями
Стучит в окно,

И небо холодно и серо,
Не в радость глаз,
Как старая изба осело
И давит нас.

А по промокшему асфальту
В плену забот,
Брезгливо поднимая лапы,
Проходит кот,

И не по-летнему прохладно
Совсем с утра.
Ну вот такое оно, ладно,
Поют ветра...

Это лето...

Состоялось лето —
За весну награда,
Листьев силуэты
Дарят нам прохладу,

Позабыты маски,
Заточенье дома,
И иду, как в сказке,
Улицей знакомой.

Радостно и грустно —
Многолетний опыт
Усмиряет чувства
Без особых хлопот,

Знаю, незаметно
Летние деньки
Промелькнут победно
Сердцу вопреки.

Рыжею лисою
Осень подкрадётся,
Облетит листвою,
Дождиком прольётся...

Но пока – счастливо,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.